

Д.А. Карпук

ЛЕТОПИСЬ СКОРБНЫХ ДНЕЙ

Отзыв на: *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея / Ответственный редактор С.О. Шмидт; вступ. статья С.О. Шмидта; публ. и коммент., биограф. справка Е.В. Неберекутиной и Т.В. Сафроновой. — М.: Время, 2011. — 800 с., ил. — («Диалог»). Тираж — 2000 экз.

Согласно Уставу духовных академий 1869 г. такая дисциплина как история перестала быть предметом для развлечения и отдыха учащегося юношества, как в свое время об этом было отмечено в тексте Духовного регламента. Отныне история — это научная дисциплина, которая разделялась на общую и русскую, а те, в свою очередь, на церковную и светскую, или, иначе, гражданскую. Последнюю, например, в Санкт-Петербургской духовной академии преподавали вплоть до 1918 г. лишь два профессора — М.О. Коялович и П.Н. Жукович. Как первый, так и второй известны, к сожалению, лишь узкому кругу специалистов¹.

Что касается того же предмета и его преподавания в Московской духовной академии, то здесь ситуация совершенно противоположная. Гражданскую историю преподавал здесь не кто-нибудь, а сам Василий Осипович Ключевский, имя и труды которого в представлении не нуждаются. Основатель так называемой «московской исторической школы», которую так и называют — «историческая школа В.О. Ключевского», длительное время преподавший в Московском университете, радовал питомцев Московского духовного рассадника своими лекциями в конце XIX – начале XX вв.

Преемником Ключевского, как по университету, так и по духовной академии, стал Михаил Михайлович Богословский. Научно-исследовательская деятельность этого почтенного ученого только в последнее время стала выходить из тени забвения. Да еще как! Творчеству Богословского посвящаются конфе-

---

Дмитрий Андреевич Карпук — кандидат богословия, преподаватель и заведующий архивом Санкт-Петербургской православной духовной академии.

¹*Черепица В.Н.* Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества. Гродно: ГрГУ, 1998; *Никон (Лысенко), архим.* М.О. Коялович и Санкт-Петербургская школа церковной историографии Западной России // Христианское чтение. 2002. № 21. С. 3–20.

ренции², кандидатские диссертации³, переиздаются вновь и издаются некогда бывшие только в рукописном варианте труды⁴. И вот, наконец, в 2011 г. под редакцией С.О. Шмидта были опубликованы дневники этого известного историка России.

Дневники М.М. Богословского сразу же заставили обратить на себя внимание. Оно и понятно! Подробное и высокохудожественное описание повседневной деятельности одного из наиболее выдающихся историков России, да еще за какой период? 1913–1919 гг. — время глобальных изменений в жизни нашего Отечества. Хотя справедливости ради надо сразу оговориться, что ежедневные подробные записи имеются только за 1915–1917 гг. За 1913 и 1919 гг. есть лишь краткие и отрывочные записи, за 1914 г. дневник вообще отсутствует.

Доктор исторических наук (диссертация «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке») Михаил Михайлович Богословский накануне и в период Первой мировой войны преподавал в Московском университете, Московской духовной академии, на Московских высших женских курсах. Преподавательская деятельность, научно-исследовательская работа, политическая и общественная жизнь — все это нашло свое отражение на страницах дневника, которые становятся бесценным источником при изучении повседневного быта университетских профессоров и ученых-гуманитариев в предреволюционный период имперской России.

Не стоит сомневаться, что очень скоро текст опубликованного дневника будет детально изучен и разобран на ссылки и сноски, в первую очередь, для научных работ. В данном случае хотелось бы обратить внимание на церковную тематику записей данного источника. Дело в том, что Богословский преподавал в Московской духовной академии, куда приезжал, как правило, в понедельник, а уезжал во вторник на каждой неделе в течение учебного года. Иногда, правда, Михаилу Михайловичу приходилось приезжать и в другие дни, например, на заседания совета академии. Дневниковые записи именно за эти дни представляют наибольшую ценность для исследователя церковной истории. Богословский чаще всего ограничивался краткими записями о тематике прочитанных лекций в академии, иногда присутствуют отрывочные сведения о проведенных встречах и беседах. Время от времени вместо кратких записей автор позволял себе

---

² Археографический ежегодник за 2000 год. М.: Наука, 2001. С. 248–251.

³ Пивоварова О.Г. Русская история в трудах М.М. Богословского: Дисс. к.и.н. М., 2006.

⁴ Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие) / Сост. Л.А. Черная; Отв. ред. А.И. Клибанов. М., 1987.

все же пространные рассуждения о церковной действительности. И именно эти отступления, рассуждения, навеянные, чаще всего, каким-нибудь громким происшествием или очередным скандалом, и позволяют, с одной стороны, узнать мнение профессора университета и духовной академии о церковных реалиях начала XX в., а с другой стороны, выяснить новые детали даже хорошо известных и в настоящее время неплохо изученных церковных дел и событий.

При чтении такого рода отрывков нельзя не поразиться весьма точным, как будто специально выверенным фразам Богословского. Краткие и емкие формулировки очень точно определяют диагноз того или иного явления. Взять хотя бы один из центральных эпизодов церковной и светской истории периода Первой мировой войны — историю с Григорием Распутиным.

После скандального увольнения обер-прокурора А.Д. Самарина Михаил Михайлович дважды запишет в дневнике, что в свое время он говорил и предрекал именно такой исход: «Самарин взялся не за свое дело и за борьбу, в которой оказался бессилён. Я это предсказывал. Здесь и Победоносцев оказался бы едва в силах» (27 сентября 1915 г. С. 84).

Любопытно, что Богословский говорит об этой отставке и вообще всей этой истории совершенно спокойно, даже несколько равнодушно. Складывается такое ощущение, что здесь он не видит ничего странного. При наличии определенной наблюдательности и хотя бы небольшого знакомства с внутренним устройством высших государственных сфер (а кому, как не историку, знать об этом!) вывод напрашивался сам собою. Богословского, для которого исход этой борьбы был очевиден еще до ее начала, возмущает другое. Эта отставка вызвала большой резонанс в обществе. Например, Московская городская дума посвятила «на выражение чувств» 3 часа и это вместо того, чтобы заниматься важными текущими делами. «Дума, руководимая кадетом Челноковым, всецело ушла в политику, а город остается без дров, без сахара и без разных других предметов первой необходимости. Извозчики сделались сущими разбойниками, а город и не помышляет о таксе. <...> Конечно, где же заниматься этими делами, когда часы уходят на словоизвержения о Синоде и Распутине. В Думе немало атеистов и людей, глубоко равнодушных к Православной Церкви, а тут, извольте видеть, как эта Церковь вдруг стала всем дорога» (30 сентября 1915 г. С. 86). Весьма тонкое наблюдение с далеко идущими выводами. Совсем не хочется проводить параллелей...

Что же касается самого Распутина, то, по мнению Богословского, он был пешкой в больших политических играх и самим своим феноменом свидетель-

ствовал о внутреннем разложении высшего общества. Уже после «сенсационного» убийства Распутина Богословский напишет в дневнике: «В деле Распутина грязь состояла не в самом Распутине, а в том, что были пресмыкающиеся, обращавшиеся к нему с разного рода просьбами, и были подлецы, которые по его запискам и рекомендациям спешили эти просьбы исполнять. Если бы этого не было, он был бы безвреден. Какое кому дело до верований, до того, что находились великосветские дамы, считавшие его воплощением Бога-Саваофа?» (22 декабря 1916 г. С. 281).

Вместе с тем, феномен Распутина позволял затронуть историку еще две очень важные и болезненные темы, имеющие непосредственное отношение к церковной жизни. Это вопросы о религиозной жизни русского народа и пастырской деятельности высшей церковной иерархии.

Свои размышления по поводу первого вопроса Богословский записал после прочтения, как следует из научного комментария издателей дневника, книги А.С. Пругавина «Леонтий Егорович и его поклонницы». На вопрос, откуда у «старца» так много поклонниц, которые нескончаемым потоком едут и едут к нему, Богословский отвечает: «Это не новое, а давнее сектантское движение, уродливое выражение сильного религиозного чувства, вышедшего за церковную ограду и блуждающего на *распутии*. Причина таких сект — неудовлетворенность Церковью; казалось бы, дело Церкви бороться с такими сектами, но не преследованием, а единственно удовлетворением религиозных исканий, не находящихся удовлетворения в черством и сухом формализме нашей иерархии и нашего духовенства. На помощь ищущей и страдающей душе христианской должен придти кроткий, вдумчивый и отзывчивый пастырь церковный, а не чиновник Ведомства православного исповедания в официальном вицмундире» (29 января 1916 г. С. 139–140). Как нам кажется, весьма сомнительно, что «вдумчивый и отзывчивый пастырь» того времени не согласился бы с диагнозом и рецептом «врача от истории» Богословского.

В отношении высшей церковной иерархии Богословский слишком резко высказался после нашумевшего перевода в 1915 г. митрополита Владимира (Богоявленского) из Санкт-Петербурга в Киев. В Московской академии некоторые профессора выразили в связи с этим скандальным перемещением возмущение и неудовольствие тем, что так «швыряют» митрополитами. «Но, — как пишет Богословский, — не сами ли эти иерархи своим низкопоклонством и угодливостью довели себя до такого положения, когда обер-прокурор может ими швырять? <...> Вступили в сделку с совестью, поэтому и покатались по наклонной

плоскости и теперь пожинают плоды. Иерархи о Церкви менее всего думают, главною пружиною их деятельности является личное честолюбие: повышения, награды, доходы и т.п. Нечего и протестовать в таком случае. Сделались чиновниками, так и подвергайтесь всем неудобствам чиновничьей судьбы, между прочим и перемещениям» (24 ноября 1915 г. С. 107).

1 января 1917 г. Богословский записал: «Все время ждешь, что вот-вот должна совершиться какая-то катастрофа» (С. 287). И эта катастрофа грянула. Уже в июле профессор делает две любопытные записи о современной ему действительности в связи с жизнью Церкви и народа: «Был в церкви — единственное убежище теперь, где еще раздаются слова любви и мира посреди повсеместных криков о ненависти, мести, предательстве, истреблении и т.д.» (9 июля 1917 г. С. 381). Примечательна параллель, сделанная практически в это же время, которую Богословский проводит между современными ему событиями и историей России трехвековой давности: «В 1612 г. нас спасли горячая вера и все имевшийся запас национального чувства, хотя и тогда верхи общества не прочь были сблизиться с поляками. Теперь что нас спасет?» (19 июля 1917 г. С. 389).

Вполне ожидаемо большая часть из немногочисленных записей о церковной жизни посвящена Московской духовной академии. М.М. Богословский пишет, что его друзьями из числа профессоров духовной школы были И.В. Попов (в 2003 г. был канонизирован как новомученик), С.И. Смирнов, А.П. Шостьин и Н.Л. Туницкий. Иногда Михаил Михайлович прямо называет их «друзьями» (С. 158), «обычной компанией» (С. 165). К сожалению, Шостьин скончался 11 января 1916 г., а Смирнов — 4 июля 1916 г., на 47 году жизни. По поводу кончины последнего Богословский записал: «Ушла научная сила из Академии, редкая среди того хлама, который ее наполняет! Честный, прямой и добрый человек, талантливый труженик, преемник и строгий хранитель традиций, оставленных его учителями Голубинским и Ключевским» (6 июля 1916 г. С. 213).

В последней цитате стороннего читателя привлекут не только высокие слова о самом Смирнове, но и довольно резкое, если не сказать грубое высказывание о корпорации Московской духовной академии в целом — «среди хлама»! Цитаты, имеющие отношение к жизни Сергиево-Посадской духовной академии, представляют особый интерес, особенно для историков этой высшей богословской школы. Михаил Михайлович иногда подробно, иногда, к сожалению, а может быть и к счастью, вскользь описывает, например, защиты магистерских и докторских диссертаций. Последние, как известно, и являются тем самым барометром, который определяет уровень отечественной богословской науки.

Отдельного внимания заслуживают записи, относящиеся к скандальной, в том числе и своей длительностью, докторской защите А.И. Покровским диссертации «Соборы древней Церкви эпохи первых трех веков. Историко-каноническое исследование. Сергиев Посад, 1914». По поводу профессора А.И. Алмазова, который читал свой отрицательный отзыв в течение 8-ми часов (sic!), Богословский иронично написал: «Буквально вчера Алмазов совершил три преступления: самоубийство и убийство не только Покровского, но и всех слушателей» (8 марта 1916 г. С. 160).

Опять же, довольно резко и крайне пренебрежительно Богословский высказался об одном из участников того заседания академического совета: «Пришел попик Флоренский, написавший столь знаменитую мистическую книгу». Современный читатель, хотя бы немного имеющий представление о новейшей истории Церкви и о русской религиозной философии, возмутится духом за такие дерзкие слова на нашего «русского Леонардо да Винчи» со стороны какого-то Богословского, известного лишь узкому кругу специалистов.

Но стоит только немного попридержать свой праведный гнев и прочесть следующие строки, как все становится на свои места: «Он показался мне человеком умным, по крайней мере, высказывал некоторые общие сентенции, обнаруживавшие в нем обширную философскую подготовку. Он дал объяснение, почему вчера голосовал против Покровского. Книгу его он считает не лучше и не хуже других, но самого автора считает человеком ничтожным и вредным для Церкви, и поэтому, чтобы не вооружить этого церковно-вредного человека степенью доктора канонического права, он и подал голос против. Нельзя не назвать такой прием иезуитским. Это открыло мне глаза. На мое возражение, что надо судить книгу, а не человека, он ответил, что Академия не есть богословский факультет. Заметив, что стремится меня пересидеть и имеет что-то к Ив. Вас. [Попову], я удалился восвояси, размышляя о церковно-вредных и церковно-полезных людях. При таком критерии к чему же ученые степени и ученые диссертации; тогда надо изобрести какие-либо иные титулы и иные основания для них». Интересные наблюдения и суждения о научной жизни в духовных сферах.

От 4 мая 1917 г. имеется еще одна любопытная запись о Флоренском: «Большое подстрекательство в студенческую среду внесла иезуитская записка П.А. Флоренского, в которой он доказывает желательность участия студентов в управлении академии. Вот оборот! От ректорского самодержавия к казацкому

кругу вроде кругов Стеньки Разина. Тайная цель почтенного отца, несомненно, довести такое самоуправление до абсурда» (С. 354).

Как это ни странно, встречаются в дневниках записи и о профессорах Санкт-Петербургской духовной академии, а именно о Н.Н. Глубоковском (С. 181) и о Б.В. Титлинове (С. 326–327).

За пространными свидетельствами о научной жизни предреволюционной Москвы, о глобальных проблемах, волновавших общество, в том числе и церковное, встречаются еще и мелкие, но меткие наблюдения о повседневном церковном быте. Например, и сейчас многие семинаристы (хотя, если быть точным, учащиеся бакалавриата и магистратуры духовной академии) при написании проповедей очень часто обращаются к дореволюционным сборникам, составленным на весь церковный год. Иногда заимствуют целые абзацы, при этом, конечно, используя цитаты и современных золотоустов. Вместе с тем, такого рода метод устарел еще в начале XX в., и Богословский, описывая свое посещение одного сельского храма, очень тонко это подмечает: «Застал самый конец обедни и проповедь тамошнего священника. Когда он начал говорить, я ожидал, что, как это обычно происходит, часть народа — а церковь была полна — устремится домой, — но этого, к удивлению, не произошло. Все остались. Говорил он просто, образно, ясно и очень коротко». (20 августа 1917 г. С. 406).

После кончины Богословского в 1929 г. многие его коллеги, соратники и друзья говорили, что Михаил Михайлович — настоящий художник слова. Читателю, незнакомому с трудами почтенного ученого, может показаться, что это лишь натяжки, отдавание траурно-панегирического долга почившему ученому. Но чтобы убедиться в обратном, достаточно взять в руки рассматриваемый ныне дневник. Автор не утомляет себя и предполагаемого будущего читателя бесконечными деталями, интересными лишь специалистам для таких же детальных трудов, интересных, в свою очередь, лишь единицам. Наоборот, перед читателем встают живые образы московских ученых, церковных иерархов, обычных прохожих. Учебные аудитории прямо на глазах наполняются студентами, и ты видишь, как они под руководством Михаила Михайловича начинают разбирать Русскую Правду, спорить, что-то доказывать друг другу. Читая этот дневник, вы попадаете не просто в аудиторию профессора, вы проникаете в кабинет ученого, доступ куда в свое время был ограничен только узким кругом близких людей. Мы видим, что перед нами не только гигант исторической науки, но и простой, достаточно хрупкий человек. «Передо мной на письменном столе поставлен календарь. Каждый день листочек перекладывается на нем с правой

стороны на левую. По мере того как левая пачка листов утолщается, правая делается тоньше. В календаре 366 листков на нынешний год. Где-нибудь есть, может быть, листовой календарь и всей жизни: число откладывания прошедших дней, правая пачка уменьшается и может быть и очень уж не толста» (20 февраля 1916 г. С. 147). «Как осторожно и бережно надо обращаться с людьми! <...> Каждый из нас носит в себе какую-нибудь тайну, недоступную для других. Если бы ее знать, осторожнее надо бы подходить к человеку» (8 февраля 1917 г. С. 303).

Дневник интересен сам по себе как свидетельство очень сложного времени, переходной эпохи. Записи Михаила Михайловича интересны как свидетельство одного из интеллектуалов, человека, находившегося на стыке миров церковного и светского. Большая часть дневника посвящена размышлениям и описаниям деятельности Богословского как профессора университета, как ученого, глубоко интересующегося временем и личностью Петра I («Утром я опять осаждал Азов, следя за осадой день за днем и как бы переживая ее». 31 декабря 1915 г. С. 121).

В заключение этого беглого обзора, вне всякого сомнения, очень интересных и глубоких записей одного из крупнейших представителей дореволюционной московской исторической школы М.М. Богословского необходимо особо подчеркнуть, что «Дневники» изданы на высочайшем, можно сказать, образцовом уровне, блестяще откомментированы Е.В. Неберекутиной и Т.В. Сафровой (примечания вместе с именованным указателем составляют 320 страниц и это при том, что общий объем книги — 800 страниц), что позволяет читателю без лишних усилий и дополнительных поисков понять и прочувствовать описываемое время, уточнить для себя какие-то моменты и детали. Стоит также упомянуть, что текст дневников предваряет подробная и обстоятельная статья С.О. Шмидта.